

УДК 821.161.1

МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ СЮЖЕТНЫХ МОДИФИКАЦИЙ

(на примере сюжета о блудном сыне)

© 2011 Э.А. Радь

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: В статье представлен механизм создания индивидуально-авторским сознанием различных вариаций (модификаций) сюжета-архетипа о блудном сыне. Смысловая неисчерпанность инварианта в художественном воплощении вечной проблемы «отцов» и «детей» подтверждается множеством сюжетных моделей в русской литературе, в которых нашли отражение трансформация и диссоциация первоначальной сюжетной структуры. Вариативность объясняется интерпретациями координат смыслового пространства.

Ключевые слова: сюжет-архетип, мотив, моделирование, инвариант, вариант, память, конфликт, актуализация, модификации, модель, миф, механизм, диссоциация, трансформация, сюжетная структура, смыслопорождение.

Abstract: The article is devoted to the procedure of creation of various modifications of the prodigal son archetype-plot by an individual author's consciousness. Content infinity of the invariant of the literary embodiment of the eternal "fathers and sons" problem is supported by many plot models in the Russian literature where transformation and dissociation of the original plot structure are reflected. The variability is explained by the interpretations of the coordinates of the content space.

Key words: plot-archetype, motive, modeling, invariant, variant, memory, the conflict, actualization, modifications, model, myth, procedure, transformation, dissociation, plot structure, content production.

Историко-типологическое исследование линии сюжета о блудном сыне, основанного на конфликте поколений в ситуации выбора жизненного пути, утверждает нас в мысли о существовании в русской литературе системы модификаций древнего сюжета – литературных произведений, варьирующих древний инвариант с учетом представлений времени. Библейская притча о блудном сыне – универсальная мифологическая модель взаимоотношений поколений с волеизъявлением, странствованием и страданиями в чужом мире Сына, смирением и всепрощением Отца. Универсальность модели, заключающей в себе код, всевременная (проблема «отцов» и «детей»), всежанровая и связана с библейской идеей Бога-Отца и Его детей. Данная

модель – первичный объект, подлежащий моделирующей деятельности. Созданные модели возвращают нам «мир уже не в том виде, в каком он был ей изначально дан» [1, 259].

Сюжет о блудном сыне – своеобразный образец, имеющий божественный прецедент. Встреча с Богом для блудного сына происходит прежде всего в глубине собственной души. Поэтому мифологический сюжет по своему главному семантическому значению можно обозначить как сюжет-макрособытие. Этот миф, как, впрочем, и миф вообще, оказывает оплодотворяющее влияние на всю последующую культуру и русскую литературу, в частности. Тема «отцы и дети» и художественные качества переходят границы конкретных культурных и исторических обстоятельств. Библейская притча указывает на «высшую тему», объясняющую скрытый смысл

© Радь Э.А., 2011

любого земного события, — встречи с Богом в самом себе и его мудрости. Распознавание духовных смыслов человеческой жизни — задача, решаемая через библейские философские истории. Человечество всегда, во все времена проецирует свои судьбы на один и тот же вечный сюжет, постоянно соизмеряя свое настоящее с евангельским прошлым, каждый раз по-новому осмысляя то и другое.

Заключенный в библейском сюжете *код* для дешифровки индивидуальным художественным и нехудожественным сознаниями, адресованный настоящему и будущему, дает мощный культурный импульс художественной вариативности, сохраняя всегда *главный «ген»* этого сюжета — *мотив «отцы — дети»*, передающий актуальным сюжетам конфликтность взаимоотношений поколений, выраженную в тексте явно, либо подразумеваемую в подтексте, информацию которого предстоит распознать читательскому сознанию.

Текст притчи о блудном сыне — смысловой инвариант, который может быть актуализирован и возрожден в контексте новой эпохи. Смысловой инвариант в памяти культуры не просто хранится, он живет своей собственной жизнью, «развивается», «генерирует» [2, 21] новые смыслы в новых структурных вариантах, рождая тем самым разнообразные модификации формы и производя индивидуально-авторские трансформации первоначального содержания. При этом автор стремится «не к исчерпанию смыслового содержания» первообраза, а к «осуществлению того акта, посредством которого производятся все эти исторически возможные, изменчивые смыслы» [1, 259].

В разных вариациях одной и той же основы *трансформация* (изменение последовательности ключевых мотивов в сюжете, их последовательности) и *диссоциация* сюжетной структуры (распад, «пропуск» отдельных мотивов) — продукты моделирующего сознания, превращающего случайное или типическое в закономерное. В механизме моделирования, с одной стороны, участвует память, которая позволяет ретроспективно вернуться к архетипу; с другой стороны, проявляется способность сознания рождать новые смыслы, облекая их в новые сюжетные структуры. В сюжетной структуре первообраза (притчи о блудном сыне) сопряжены *мотивы «отцы — дети», ухода, странствия, грехопадения, возвращения, покаяния, прощения*. Смысловую неисчерпанность инварианта в художественном воплощении вечной проблемы «отцов» и «детей» демонстрируют сюжетные модели. Концентрированность, концептуальная лаконичность и наличие большой «подводной», подтекстовой

информации (образ отчего дома, многозначность образов отца и сына, образцовость решения конфликта поколений, поведенческая образцовость Отца и т. д.) позволяют писателям «разворачивать» содержание библейского произведения, расставляя акценты на разных биографических эпизодах своих героев, а литературоведам — видеть общность произведений русской литературы, в которых представлены отношения поколений, с архетипом, и его все-ленский, общечеловеческий характер.

Древнейшая реализация сюжета-архетипа как конкретный текст (художественное произведение внутри Евангелия) подобно зерну включает в себе программу будущего развития, не застывшую неподвижно, не равную неизменно самой себе данность, хранимую как содержание-память исторически живущего архетипа. Проходя через века, данный текст не стирается, не теряет содержащуюся в нем информацию, а сохраняет культурную активность и одновременно обнаруживает способность накапливать и порождать информацию, почему и может быть назван *творческой памятью*: с каждой новой интерпретацией сюжета, содержащего мотив «отцы-дети», мы вспоминаем евангельскую притчу о блудном сыне.

Принципиальная важность притчи, к сюжету-архетипу которой восходят актуальные сюжеты литературы Древней Руси и новой литературы, в следующем: отзывчивость мировой литературы на этот сюжет связана в немалой, если не в главной, степени с тем, что она (притча) соединяет ситуации выбора пути, сотворения биографии с возникающей в каждом новом поколении коллизией несогласия воли «детей» с авторитетом «отцов». Отсюда многообразие житейских конфликтов и их напряженный драматизм. Отсюда и благодатная почва для творчества писателей. В.И. Тюпа об этом явлении отзывчивости пишет: «...Во множестве произведений мировой литературы мы встречаемся как с сюжетом блудного сына, явно или (чаще) не явно воспроизводящим событийную канву притчи из Евангелия от Луки, так и с мотивом блудного сына, актуализирующим ту же притчу в читательском сознании без воспроизведения ее сюжета в тексте» [4, 5].

Прямые воспроизведения сюжетной канвы притчи в произведениях русской литературы и случаи актуализации этой же притчи «в читательском сознании без воспроизведения ее сюжета в тексте» есть доказательство «вечности» библейского сюжета о блудном сыне.

В использовании художниками мотива «отцы-дети» как «микросюжета» [5, 46] осуществляется связь веков. Общность произведений

с архетипом ясно и отчетливо прослеживается, а осмысливается и преподносится читателю по-разному. Мотив «отцы—дети» с каждой новой эпохой остается неизменным, лишь приобретает новые воплощения, в чем-то трансформируясь и усложняясь. Сюжет-архетип блудного сына — идеальный набор потенциалов человеческого существования и выстраивания взаимоотношений поколений, поведенческий выбор в котором обусловлен индивидуальным сознанием. Предложенный человечеству идеал определяет способ мышления в извечном конфликте поколений и регулирует жизнь. Литература и жизнь человека «выдают» трансформацию первоначального структурного кода, новый комплекс идей, разные пути распоряжения или не распоряжения предложенным потенциалом действий.

Вариативность определяется *координатами смыслового пространства*. Это так называемые «отправные точки смыслообразования» (курсив — Барт Р.):

Конфликт поколений: а) явный; б) скрытый (внутренний); в) мнимый (отражающий разное восприятие сознаниями);

«Отец — сын» (главный ген сюжета, сохраняющийся во времени, свидетельствующий о бесконечности продолжения человеческой жизни): а) родственная, кровная связь; б) иерархическая связь; в) духовная связь;

«Блудный»: а) блуждающий (странствующий); б) блудливый (совершающий грех); в) соединение первых двух значений;

«Сын — сыновья»: а) сын, единственный сын; б) не сын; в) младший сын; г) грешный; д) праведный; е) дочь;

Ситуация выбора;

Диалог: а) состоявшийся; б) несостоявшийся;

Возвращение в отчий дом: а) возвращение; б) не-возвращение, гибель;

Дом Отца: а) дом; б) монастырь; в) другая обитель;

Вопрос веры: а) есть Бог, обретение бога внутри себя (символическое возрождение/воскрешение); б) нет Бога, невозможность обретения Бога внутри себя;

Покаяние: а) покаяние; б) не-покаяние;

Прощение: а) прощение; б) не-прощение;

Земля: а) родная земля; б) чуждая земля.

Особую значимость обретает проблема *выбора путей*, что можно объяснить и менталитетом русского человека: в силу многих исторических условий и перипетий и Россия в своей истории, и русский человек в своей биографии часто оказываются на распутье, перед выбором, на развилке трех дорог (как в фольклоре). Выбором пути определяется или снимается острота конфликта поколений. В ситуации выбора человек, при-

нимая решение, реализует себя как самобытная личность, индивидуальность.

Несогласие воли детей с авторитетом отцов *мотив воли/своеволия* — наиважнейший момент в процессе порождения новых сюжетов, заключающих в себе библейский сюжет о блудном сыне. Постоянство памяти о библейской притче связывается с наличием конфликта поколений и мотива своеволия как проявления индивидуальности, что и позволяет нам говорить о «бесконечной» жизни исследуемого сюжета, его модификациях как результате художественного моделирования.

Мотив воли/своеволия в библейском сюжете сопряжен с мотивом *доли*. Конструктивность и сюжетообразующая функция диады «воля — доля» для притчи очевидна, а для последующих (актуальных) сюжетов художественно продуктивна. Диада «воля — доля», ситуация выбора, степень конфликтности дают возможность углубления в сознание героев, постижения человековедения на примерах произведений художественной литературы.

А.Н. Веселовский разграничивал понятия мотива и «сюжета как комплекса мотивов» [5, с.304] и одновременно рассматривал их в одной плоскости как семантические единицы — односоставные и многосоставные — одного и того же художественного языка. А.В.И. Тюпа и Е.К. Ромодановская считают, что «в литературной практике многие традиционные мотивы могут быть развернуты в целые сюжеты, а традиционные сюжеты, напротив, «свернуты» в один мотив» [4, 4-5]. В связи с этим мы можем проследить развитие мотива «отцы-дети», определяющего суть конфликта поколений, проблемы «отцов» и «детей», от эпохи к эпохе, начиная с библейской истории о блудном сыне, и убедиться в бесконечной актуальности данного вопроса и невозможности однозначного его решения, ибо в разные исторические времена он наполняется новым содержанием и смыслом.

Традиция, заложенная еще А.Н. Веселовским, — традиция углубленного изучения сюжетов-архетипов на широком историческом фоне. Переходя от поколения к поколению, от народа к народу, сюжет-архетип становится некой моделью системы человеческого полагания и поведения, заключающей в себе оценивающий авторский взгляд, без которого теряет жизненную значимость, ибо представляет собой не просто схему событий, а реализацию определенного типа поведения. Сюжет-архетип, или первообраз, восходящий к источнику-мифу, впитывает в себя различные мифологемы и современные идеи, благодаря чему и переходит в сюжет актуальный, реализованный в конкретном произведении, и сохраняется в нем наподобие *ядра*.

Понятие сюжета-архетипа весьма хорошо раскрыто в статье группы авторов (Б.Ф. Егорова, В.А. Зарецкого и др.) «Сюжет и фабула», рассматривающих взаимодействия основных категорий сюжетологии. Так, авторы отмечают, что в типологическом аспекте литературного процесса сюжет как последовательность действий в произведении, художественно организованная через пространственно-временные и причинно-следственные отношения и организующая систему образов, существует как архетип, переходя из одного произведения в другое. «Сюжет-архетип предшествует конкретной фабуле произведения: жизненные явления отбираются и организуются художником под действием и с учетом сюжета-архетипа. Последний — необходимое звено замысла: он первичен в отношении к конкретной фабуле, подчиняя жизненный материал, оформляя, так сказать, его основные массивы, тогда как актуальный сюжет, вторичный по отношению к ней, окончательно преобразует жизненную основу в явление искусства. <...> В актуальном сюжете сюжет-архетип сохраняется как внутренняя форма...» [6, 20].

Важный момент связан с разделением так называемого «бродячего» сюжета и сюжета-архетипа. В нашем случае мы не говорим о сюжете-архетипе, существующем как протосюжет (к последнему относятся «бродячие» сюжеты), который подчиняет себе фабулу, главенствует над ней. Нас интересует архетип, получивший воплощение в конкретном сюжете, архетип, который, будучи конкретизирован и наполнен жизненным материалом (фабулой) и в значительной мере — заслонен им, не исчезает и всегда остается распознаваем.

Художественные произведения, создаваемые в каждом новом временном отрезке, имеющие в своей основе единый достаточно устойчивый архетип, современная литературоведческая наука рассматривает как *парадигму* типологически разнообразных «модификаций» одной и той же основы. Системно-структурный анализ художественных текстов, включающий в себя изучение типологических схождения и расхождения, утверждает нас в понимании «текста как смыслопорождающего устройства».

Существующие исследования отдельных произведений русской литературы, отображающих и изъясняющих конфликт поколений, не позволяют проследить весь путь одного сюжета и причастных к этому сюжету мотивов в движении эпох, а без всеобъемлющего осмысления, без концептуального анализа текстов разных жанров, без целостного взгляда на развитие мотива «отцы-дети» невозможно увидеть и понять всю суть системы с устойчивым канонизированным типом кодировки.

Целостность и широта охвата литературных произведений с их образцами решения извечной проблемы «отцов» и «детей» дают возможность проникнуть в процессы художественного исследования тайн человеческой индивидуальности, понять степень свободы и зависимости человека от социальной среды и, главное, определить вечные ценности человеческого бытия и понять истинное предназначение человека в нравственно-философском аспекте.

Содержание и характер конфликтности поколений на разных этапах развития сюжета были разными. Степень остроты проблемы «отцов» и «детей» в русской литературе XI—XVIII веков с позиции конфликтности можно охарактеризовать в целом как изменчивую: от отсутствия конфликта («Повесть временных лет») до остроты в меньшей степени (например, «Моление Даниила Заточника» [7]) и остроты в большей степени (например, «Житие Феодосия Печерского», трагедия А.П. Сумарокова «Синав и Трувор» [8]). Подобная изменчивость является, на наш взгляд, как бы прелюдией к «взрыву», «апогею» конфликтности в литературе XIX—XX веков (например, в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», рассказе Л.Н. Андреева «Молчание» [9]).

Академик Д.С. Лихачев [10, 3-5] отмечает, что наука, ища закономерности, останавливает свое внимание прежде всего на том, что повторяется, на похожем, общем и редко обращается к единичному. Однако иногда представляется гораздо более важным изучать неповторимое, индивидуальное. Ведь легко опознать лист клена, но нет одинаковых листьев; легко обнаружить в литературных произведениях повторяющийся сюжет, но мы не найдем одинаково художественно воплощенных сюжетов.

Попытка увидеть и соединить закономерность и индивидуальное внутри этой закономерности позволяет нам углубиться в соотносительность общей нормы, воспринимаемой художником и адресатом произведения как внешняя по отношению к данному тексту закономерность, и конкретных творческих решений, воспринимаемых как индивидуально-совершенные открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история /
3. Тюпа В.И., Ромодановская Е.К. Словарь мотивов как научная проблема. / В.И.Тюпа, Е.К.Ромодановская. // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от

сюжета к мотиву / Под ред. В.И. Тюпы. – Новосибирск, 1996. – С. 3-15.

4. Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы / Е.М. Мелетинский // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. – М., 1986. – С. 46.

5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н.Веселовский. – М., 1989.

6. Егоров Б.Ф., Зарецкий В.А. и др. Сюжет и фабула / Б.Ф.Егоров, В.А.Зарецкий и др. // Вопросы сюжетосложения: Сб. статей. – Рига: Даугавпилсский педагогический институт, 1978, Вып.5. – С. 11-21.

7. См: Радь Э.А. «Моление Даниила Заточника» сквозь призму проблемы «отцов» и «детей» / Э.А. Радь // Учен. записки Стерлитамакского госпединститута и СФ АН РБ (Лингвистика.

Литературоведение.). – Стерлитамак : СГПИ, 2002. – С. 175-179.

8. См: Радь Э.А. Идеология и психологизм в трагедии А.П. Сумарокова «Синав и Трувор» / Э.А. Радь // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 12. – Самара : Изд-во «НТЦ», 2006. – 336с. – С. 98-105.

9. См: Радь Э.А. Многоликое одиночество героев как отражение проблемы «отцов» и «детей» в рассказе Л.Андреева «Молчание» / Э.А. Радь // Кормановские чтения: Материалы Межвуз. конф. (Ижевск, апрель, 2006) /Сост. Н.С. Измestьева, Д.И. Черашняя. – Ижевск, 2006. Вып. 6. – 484 с. – С.168-172.

10. Лихачев Д.С. Закономерности и антизакономерности в литературе / Д.С. Лихачев // Русская литература. – 1990. – № 1.– С. 3-5.

Радь Э.А.

Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы.

e-mail: elza_rad@mail.ru

Radd E.A.

Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Zainab Biisheva.

Candidate of Philological Science, Docent.